

Месть робота

Луиджи Малерба

Луиджи Малерба (псевдоним Луиджи Банарди, родился в 1927 году) — один из крупнейших писателей современной Италии. Романист, драматург, сценарист, публицист, он по праву стал одним из столпов мировой литературы XX века. Его произведения отличаются оригинальностью сюжетов, яркостью образов, сочным языком. Они неоднократно удостоивались престижных литературных премий, переведены на многие языки, в том числе и на русский. В частности, в 2003 году издательство «Махаон» выпустило сборник, в который вошли три самых известных романа писателя: «Змея» (давний сборнику название), «Греческий огонь», «Итака навсегда».

Вообще-то меня зовут Эцку, но я не умею произносить это самое «ц». Вместо «ц» у меня получается «ф» — то ли из-за какой-то неисправности, то ли просто из-за плохого контакта транзисторов. Я разговариваю с деревьями, ящерицами, полевыми мышами, а вот с людьми стараюсь общаться как можно меньше. Они смеются и делают вид, будто не понимают меня (на самом-то деле они всё прекрасно понимают, несмотря на мое «ф»). В общем, я стесняюсь. Я был у одного мастера-электронщика: надеялся, вдруг он поможет исправить этот дефект. Рожденный немым по вине своего отца (как мне еще его называть?), я сам купил себе транзисторы и сам же их впаял. Ничего не поможет, — сказал мастер. Я ушел от него совсем расстроенный. Кто меня починит? Никто на свете. Теперь я уже навсегда останусь со своим дефектом. *Но дайте мне найти этого типа, — клянусь, он мне за все заплатит.*

Я происхожу от Прометея, как человек от Адама и Евы. У всех у них были колени. А у меня — нет. Мой брат Грифос прекрасно помнит, как наш родитель все говорил: упрощать надо, упрощать. Вот и доупрощался. Зачем нужны колени? Можно обойтись и без них. Вот и хожу я теперь с прямыми ногами и шаркаю ступнями, как старик какой-нибудь из дома призрания. Проблема была не только в цене — я сам знаю, во что обходятся рабочие руки. Нет, здесь был злой умысел, то есть *он боялся, что я убежу*, и я действительно убежал. Вот она, подлинная история несгибающихся ног Эцку. Чтобы подняться на ступеньку, я должен повернуться на три четверти вбок, как хромоногий. Перелезть через полутораметровую стену мне никогда не удалось бы. Каму и Грифос подняли меня на руках и опустили на другую сторону. Теперь я здесь, шагаю по дороге со скоростью тридцать километров в час. Трудно жить без коленей, — может, даже лучше вовсе не жить.

Я шагаю уверенно, в конце концов приду на место. Куда? Уж это-то я знаю. В дом с садом, окруженным стеной в полтора метра. Мне пришлось побегать и потереться среди людей, чтобы понять, что к чему. Теперь, когда я все понял, *я смогу отомстить*. Я сравни-

вал себя с другими роботами. У них тысячи электронных связей, сотни сочленений. Люди смотрят на меня и говорят: интересно, сколько механизмов у него в корпусе? Могу сразу сказать. У меня две электрические батарейки из тех, что ставят в детские игрушки и продают в любой табачной лавке. Мотор, сервотормоз, рулевое колесо, гироскопический моторчик для мелких движений и крошечный радар. Просто смех. Все это я купил тайком на свои сбережения с помощью привратника из нашего дома. Теперь мне нужен компас. Как без него я найду дорогу домой? Любой вол умеет ориентироваться в сто раз лучше, чем я. Вол уж нашел бы дорогу к дому.

Он начищал нас до блеска, ставил на пьедестал, звал фотографов, приглашал народ и говорил: вы только посмотрите на моих роботов, какие они красивые. Это про меня и моих братьев. Однажды он запаковал меня в ящик и отправил за границу, в Аргентину. В газетах печатали мои фотографии, словно я балерина. Компас можно купить в любом магазине канцелярских товаров за сотню лир, а он потратил уйму денег, только чтобы посеребрить меня. Знаете, во что обходится серебрение? Цена серебра подскочила до небес из-за космических полетов. Центнеры и тонны серебра идут на проводники — серебро проводит ток куда лучше меди. С каждым новым астронавтом цена растет. А я должен красоваться в этом серебряном покрытии: оно сверкает под солнцем, и каждому сразу становится ясно, что я не человек. Роботы сделаны по образу и подобию человека, это всем известно. (Я не говорю о таких исключениях, как Эронская птица, Реджомонтанусская муха, Страсбургский петух, Вокассонская утка и другие животные, которые созданы по образу и подобию соответствующих существ.) Он считает, что мне не надо ходить по улицам. Я должен стоять на месте в балагане, как редкость какая-то. *Ну нет, дорогой! Задница!*

Поговорим теперь о заднице. У каждого нормального человека она есть, а у меня нет. Неизвестно, почему. Задница нужна, чтобы на ней сидеть. Для того она и сделана. А на чем могу сидеть я? Сами понимаете: когда много ходишь, хочется присесть на скамейку, на обочину дороги, на луговую травку. А я не могу — по той причине, о которой говорил выше. Когда я устаю, мне приходится ложиться на землю плашмя. Только не думайте, что про зад позабыли. Он сделал это, чтобы унижить меня перед человеком (что ему действительно удалось). Эту историю с задом *никогда ему не прощу*. Если бы не мой дефект речи, я бы вышел на площадь и заявил людям: смотрите, я и мои братья — подделка, мошенничество, надувательство. Мы роботы только на

словах. У меня нет колен, нет зада и кое-чего еще, я не способен даже выговорить свое имя и покрыт серебром с головы до ног, как кофейник какой-нибудь. Я не робот и не человек. Можете выбросить меня на помойку.

Настоящие роботы умеют что-то делать, они приносят пользу себе и человеку. Многие из них умеют даже говорить, писать и петь, умножать и делить. Я знаю, что дважды два будет пять, но дальше — ни-ни. Голова-то у меня есть, но только для красоты, да и в ней я уже начинаю сомневаться: иногда люди, едва завидев меня, стараются поскорее уйти (вчера один убежал, даже потерял шляпу). С памятью у меня дела обстоят неплохо, но отец не сообщил мне, ни как его зовут, ни адрес дома. Думает, что этой военной хитростью он обеспечит свою безопасность. Ошибается. Все равно *я его найду*.

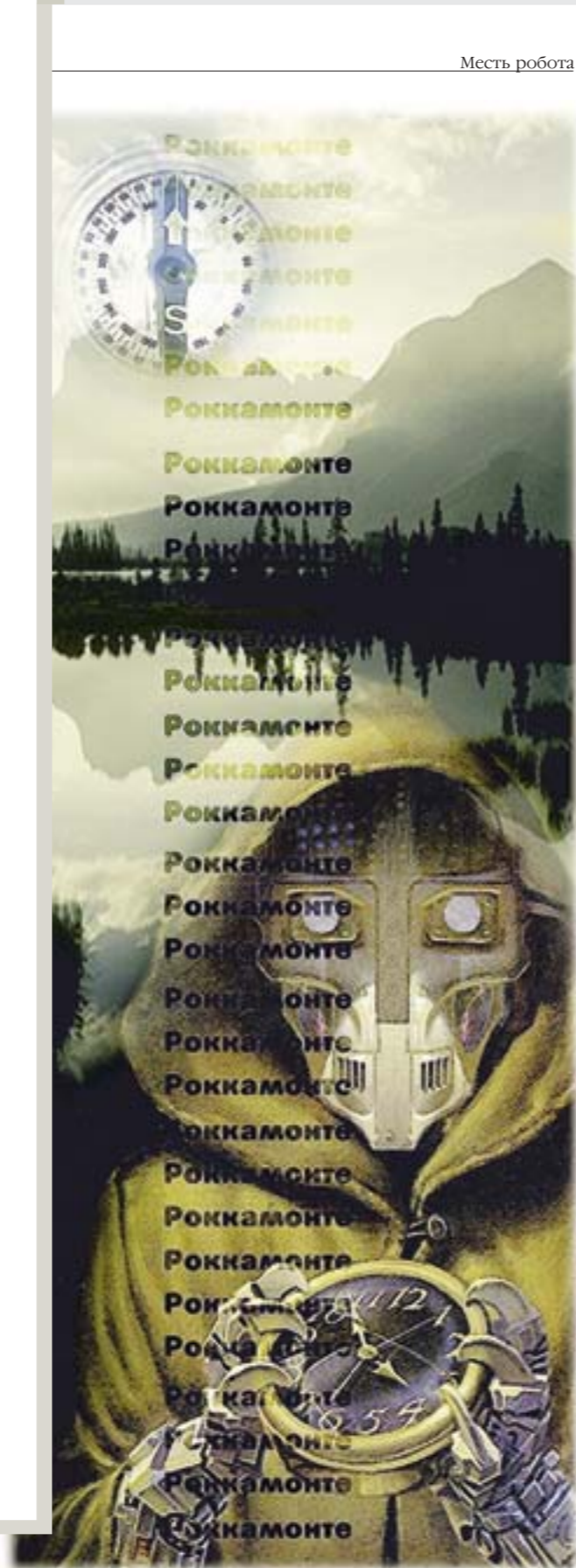
Это произошло случайно. Однажды кто-то сказал, глядя на меня: посмотри-ка, вот знаменитый робот Роккамонте. Я подошел поближе, так как тоже хотел узнать, что к чему, но этот тип захлопнул окно перед самым моим носом. Я решил сломать дверь, войти в дом и заставить его говорить. Но потом подумал: если я один из тех знаменитых роботов, о которых шла речь, кто-нибудь меня наверняка узнает, надо только потерпеть. А зря, потому что *терпения у меня осталось совсем мало*.

Он вложил в мою память все книги, какие только были в доме. Например, я знаю наизусть «Песни» какого-то Леопарди. Ну скажите, к чему мне «Песни» этого типа и зачем он держит их в доме? Я прочитал их от первой до последней строчки несколько тысяч раз (я все делаю очень быстро), но так и не понял, что это за книга, кому она нужна. Наверняка тут кроется какой-то обман. К счастью, он заставил меня запомнить и энциклопедию «Тре Кани», ну, это уже куда ни шло, так как в ней содержатся самые разные сведения. Правда, Роккамонте я там так и не нашел. Странно, ведь в «Тре Кани» отмечены даже самые маленькие городки. Так о чем говорил тот тип у окна? Я же отлично слышал. Что это еще за тайна? Что за обман? Ясно, что кому-то надо сбить меня с верного пути, направить невесть куда. Думают, я испугаюсь. Он думает, что я испугаюсь.

Какой-то пастух пытался меня украсть. Но я предупредил: это же не массивное серебро, как ты считаешь, идиот. Он намеревался продать меня на вес (полатыни это будет *pondus*, латынь я тоже немного знаю). Я постарался пояснить ему, что оболочка у меня из бронзы, а внутри пустота, и стою я меньше одной овцы. Отпусти меня, так лучше будет. Так нет же, обвязал меня веревкой и погрузил на телегу, чтобы куда-то увезти. Пришлось веревку порвать и дать ему пинка в живот. Я оставил его в кювете, а он все кричал: на помощь, на помощь, меня убили! Этот пинок в живот надо запомнить на будущее, он может пригодиться. Да, надо запомнить. Думаю, что зад тоже подходящее место: люди часто поминают пинок под зад (я в этом смысле неуязвим, раз у меня зада нет). В общем, выбор остается за мной.

Я вернулся к кювету, где оставил пастуха, раздел его и напялил на себя его одежду. Я заметил, что спереди, там, где сходятся ноги, у него что-то болтается — какой-то отросток, мягкий и морщинистый. Такого у меня тоже нет. Непонятно, зачем он нужен. Наверное, он не очень важен, поскольку люди всегда его прячут. Одежда пастуха мне немного широковата, зато теперь я поразительно похож на человека. Вот только посеребренное лицо... Остается сходить к жестянщику, чтобы он покрасил мне лицо и замазал этот ужасный серебряный блеск. Замазал краской под цвет человеческой кожи. И еще, конечно, остается проблема с глазами. Ну что стоило сделать мне пару искусственных глаз? Да хотя бы один. Это, наверное, так просто: пусть их даже нарисовали бы. В общем, нужно постараться найти кого-то, кто мог бы это сделать без особого труда и недорого. Если я не найду жестянщика, который согласится сделать эту работу, то, думаю, ради полного сходства можно украсть голову какого-нибудь человека, тщательно выпотрошить ее, а потом натянуть на мою — как шляпу или перчатку. Не так уж это трудно. Но я видел: люди противятся тому, чтобы у них что-то отделяли от тела. Они поднимают такой шум и крик, как тот старик, у которого я пытался забрать колено. Ничего не получилось, хотя речь шла всего лишь о колене. Наверное, надо найти спящего человека и отнять у него голову так, чтобы он этого не заметил. Или заставить его заснуть, дав пинка в живот или в зад. Но правильнее всего — найти моего отца и *взять его голову*. Может, ее не надо будет даже выскрести — может, она уже и так пустая. Не знаю, как устроены внутри головы людей, потому что они никогда не попадали мне в руки.

Как только я натяну на себя голову моего отца, сразу же позову братьев — Грифоса, Камю, Триопио, Габилу, Кальче, Эрмеро и Акрона. Можете делать, что

Мечь работа

хотите и идти куда хотите, — скажу я им. Открою калитку виллы и выпущу их всех на свободу. Они ошалело посмотрят на меня, а я скажу: я не ваш отец, я Эцку. Если хотите быть со мной. Станем все вместе ходить по свету, по деревенским дорогам. Будем кувыркаться в луговой траве, а когда один из нас упадет и не сможет подняться, остальные поспешат к нему на помощь. Если один что-нибудь забудет, остальные ему напомнят. Если один собьется с дороги... — но это невозможно, ведь мы будем шататься без всякой цели. Как здорово собрать всех моих братьев. Я свожу их в бар, и мы внесем в свою память множество песен, чтобы веселиться днем и ночью. К черту Леопарди и его «Песни», которые без музыки. Настоящие песни поют в барах и они доносятся из окон домов. Бедняги мои братья, сидящие взаперти и не знающие, что такое мир. Да, я обязательно должен найти дорогу домой, чтобы *освободить их от этого тирана*.

Я заметил: люди теряют много времени, чтобы измерять и подсчитывать время. Не могу понять, зачем нужно тратить силы на то, чтобы делить время на множество отрезков, на все эти месяцы, дни, тысячелетия, минуты, недели, века и так далее. Однако я вдруг понял, что умею выполнять всякую очень тонкую работу, например чинить часы (часы — это такие маленькие механизмы, которые нужны именно для того, чтобы отмерять время). Один старик сидел у себя в лавочке и чинил те часы, которые люди прикрепляют к руке с помощью ремешка. У него дрожали руки. Я зашел к нему и сказал: дай это сделаю я. Пока он смотрел на меня, вытаращив глаза и открыв рот, я в одно мгновение разобрал все колесики, оси и пружинки. Я сразу понял, что одна из осей слегка — на тысячную долю миллиметра — погнута, и исправил ее. Часы тут же пошли — куда быстрее других, хотя они были старые и испорченные. Раз уж я оказался там, то починил и будильник. Такая мелкая механическая работа дается мне очень легко и забавляет меня. Но люди неблагодарны. В качестве вознаграждения я попытался забрать у часовщика всего только колено, но он поднял такой крик... Я уже рассказывал. Мне нравится выполнять работу, делающую меня похожим на человека, ну, например, чинить часы, пить деревья, раздувать дым и поднимать пыль, заливать землю гудроном, но нет у меня на это времени. Сначала я должен вернуться домой и *свести счеты с ним*.

Я снова вышел на дорогу, где как-то сбил с ног пастуха. Решил взять у него не только одежду, но и голову, да только пастуха там уже не оказалось, и овец тоже. Меня бы устроила и овечья голова. Она все-таки похо-

жа на человеческую больше, чем моя посеребренная, и могла бы мне приходиться хотя бы как временное подспорье для *возвращения* домой. Жаль, что овец уже не было.

Случайно я открыл для себя очень странный факт. Роккамонте вовсе не название городка, а *имя моего отца*. Я увидел его лицо в какой-то газете. Рядом были фотографии моих братьев за исключением моей. Вне всяких сомнений, это именно он, а внизу подпись: Роккамонте. Теперь найти его будет нетрудно. Может, пока я ищу его, он сам ищет меня. Такой хитрюга — как бы не подстроил мне западню.

У меня впечатление, что я *делаю что-то такое, похожее на что-то другое*. В энциклопедии «Тре Кани» есть точно такая история. Не знаю, то ли речь там шла о человеке по имени Одиссей, то ли об одном персонаже по имени Эдип, или о каком-то Энее. Должно быть, я допустил ошибку, закладывая в память эти истории, а может, что-то там напуталось в транзисторах: неправильный контакт, сбой. Так что теперь я не могу сравнивать себя с ними. А мне хотелось бы иногда прибегать к сравнениям, не то к чему все эти персонажи из литературных произведений?

Адрес я нашел в телефонном справочнике. Я даже не знал, что родился в Риме (мне нравится быть римлянином). В общем, я уже приближаюсь к дому. Шагаю в темноте под дождем по крутой дороге. До чего трудно. Вода стекает по посеребренному лицу и насквозь промочила одежду пастуха. Жалко одежду, но скоро у меня будет уже другая. И голова тоже. Я открываю калитку, прохожу через сад, иду мимо павильона, где заперты мои братья. Поднимаюсь с трудом по лестнице — колен же у меня нет, и с каждой ступенькой моя ярость нарастает. Читаю имя на табличке, пибитой к двери, нажимаю на кнопку звонка. А вот и он. Но почему он смеется? Почему ты смеешься? Не вижу ничего смешного. И зачем он погасил свет? Где ты? Прячется. Зря, все равно я тебя найду. Он заперся в другой комнате, и мне приходится взламывать дверь. Он уже больше не смеется: понял, что *я не шучу*.

Перевод Э. Двин

Коллаж Т. Кудрявцевой